Человек идет по рельсам.
Блестят бликами рельсы.
Шпалы, шпалы под ногами.
Рельсы идут в перспективу.
Человек идет в перспективу.

Виктор Голявкин

Исполнен душевной тревоги,
В треухе, с солдатским мешком,
По шпалам железной дороги
Шагает он ночью пешком.

Николай Заболоцкий

Виктор Голявкин относится к числу писателей почти забытых, втиснутых в рамки советской детской литературы и незаслуженно обойденных вниманием, в то время как среди написанных им рассказов и повестей далеко не только детские. Был с ним связан даже целый литературный скандал, когда в 12-м номере журнала «Аврора» за 1981 год, посвященном 75-летнему юбилею Леонида Ильича Брежнева, в разделе «Юмор» (по иронии судьбы выпавшем как раз на 75-ю страницу) опубликовали фельетон Голявкина «Юбилейная речь». Рассказ представлял собой ироничный панегирик, посвященный неназванному писателю. Начинался он такими словами: «Трудно представить себе, что этот чудесный писатель жив. Не верится, что он ходит по улицам вместе с нами. Кажется, будто он умер. Ведь он написал столько книг! Любой человек, написав столько книг, давно бы лежал в могиле. Но этот – поистине нечеловек! Он живет и не думает умирать, к всеобщему удивлению. Большинство считает, он давно умер – так велико восхищение этим талантом. Ведь Бальзак, Достоевский, Толстой давно на том свете, как и другие великие классики. Его место там, рядом с ними. Он заслужил эту честь!»

Вызвавший вполне определенные аллюзии рассказ стал причиной понятной бури. Публикацию прозвали «Вторым залпом “Авроры”», номер изъяли из продажи, последующий тираж журнала сильно сократили, а руководство уволили. И хотя потом выяснилось, что рассказ был написан за пятнадцать лет до публикации и включен именно в этот номер исключительно по недосмотру, это уже ничего не могло изменить.

Но это – потом, когда Виктор Голявкин уже написал свои лучшие вещи, осознал себя писателем, переехал в Ленинград.

А родился он в 1929 году в Баку в семье преподавателя музыки – поэтому и Виктор, и два его младших брата получали музыкальное образование. О том, как к этим занятиям относился сам будущий писатель, рассказано в первых же строчках самой пронзительной его повести «Мой добрый папа»:

Эпизоды в повести Голявкина – как отдельные сцены в кино. Картинка – диалог – затемнение – следующий план.

«Я никогда не хочу обедать. Мне так хорошо во дворе играть! Я всю жизнь бы во дворе играл. И никогда не обедал бы. Я совсем не люблю борщ с капустой. И вообще я суп не люблю. И кашу я не люблю. И котлеты тоже не очень люблю. <…> Мой брат Боба любит борщ. Он смеется, когда ест борщ, а я морщусь. Он вообще всегда смеется и тычет себе ложкой в нос вместо рта, потому что ему три года. Нет, борщ все-таки я могу съесть. И котлеты я тоже съедаю. Виноград-то я ем с удовольствием! Тогда и сажают меня за рояль. Пожалуй, я съел бы еще раз борщ. Только бы не играть на рояле». И дальше, в следующем абзаце, когда еще все хорошо и никакой войны нет, писателем уже заложена бомба с часовым механизмом, уже по законам саспенса играет тревожная музыка и начинается обратный отсчет до неизбежной трагедии: «Папа мой – музыкант. Он даже сам сочиняет музыку. Зато раньше он был военный. Он был командиром конников. Он скакал на коне совсем рядом с Чапаевым. Он носил папаху со звездой. Я видел папину шашку. Она здесь, у нас в сундуке. Эта шашка такая огромная! И такая тяжелая! Ее даже трудно в руках держать, не то что махать во все стороны. Эх, был бы папа военный! Весь в ремнях. Кобура на боку. На другом боку шашка. Звезда на фуражке. Папа ездил бы на коне. А я шел бы с ним рядом. Все мне бы завидовали! Вон, смотрите, какой Петин папа». Мечта мальчика сбывается: пусть не буквально, но в главной своей части. Папа уходит на фронт.

Великая Отечественная война началась, когда Голявкину было двенадцать. Его личный, семейный драматический опыт нашел отражение в двух книгах – «Мой добрый папа» и «Полосы на окнах». Разные по стилю и настроению, обе они – об одном и том же. О взрослении мальчика в условиях войны, жизни без отца в тот период, когда он особенно нужен.

«Мой добрый папа» – самое лиричное произведение Голявкина. Война входит в жизнь героя постепенно, сперва прокрадываясь в разговоры родителей непонятными словами: «Почему в мире тревожно? Кто такой Гесс? И еще этот Гитлер… Все было так интересно! Но понять я не мог ничего». Грань от непонимания до вхождения этих слов в повседневный лексикон размыта, а процесс стремителен и необратим. Глава, посвященная началу войны, состоит всего из нескольких строчек и называется соответственно – «Очень маленькая глава». Но в эти строчки писатель умещает и детское мировосприятие, и столкновение прежней мирной жизни (символом которой здесь становится виноград) и новой, пугающей; и нежелание принять эту новую действительность, и аллюзии на переведенную львом Толстым басню Эзопа о мальчике, кричавшем: «Волки!»*.

Эпизоды в повести Голявкина – как отдельные сцены в кино. Картинка – диалог – затемнение – следующий план. Так и здесь – новая кинематографическая склейка – и Петя уезжает с родителями с дачи, не дождавшись созревшего винограда. И если пару сцен назад, когда герои ехали в противоположном направлении, светит солнце и их с отцом переполняет счастье, то теперь льет дождь – и радости не получается. Завтра отца призывают.

Столкновение страшного, непоправимого и бытового, обыденного – важный для писателя прием: «Мой папа ушел на войну. Мы уходим с балкона». Повесть Голявкина – о том, как война перестает быть для ребенка игрой или сказочным сюжетом; о том, как к мальчику приходит осознание, что она – по-настоящему. Придя в кино, Петя смотрит перед фильмом киножурнал и в одном из эпизодов узнает в нем папу. Он будет ходить в кино ради этого эпизода снова и снова, но живым отца больше не увидит. Несколько секунд киножурнала сохранят для сына последнее воспоминание о папе.

Кульминационный эпизод повести – новогодний карнавал, во время которого дети смеются и на какое-то время забывают о войне: «Столько я никогда не смеялся. Я про все на свете забыл». А дальше – по-голявкински безжалостно: придя домой, мальчик находит на столе похоронку. И это действует так же оглушающе, как ерофеевское «И с тех пор я не приходил в сознание и уже никогда не приду».

* Я вышел в сад поглядеть виноград. Я-то знал, что он еще зеленый. Но я хотел еще раз поглядеть. Вдруг я вижу, бежит по дороге мальчишка, вокруг пыль столбом и жара такая! – а он орет:
– Война! Война!
Мама тоже вышла из дому. Слышит это и мне говорит:
– Вот негодный мальчишка! Вчера тоже кричал: «Пожар! Пожар!»
А никакого пожара не было.

Повесть «Полосы на окнах» продолжает сюжетную линию книги «Мой добрый папа»: она тоже о военном времени в той же самой семье, но менее лиричная, акцент в ней перенесен с образа отца на самого героя – мальчишку, живущего в городе, где военных действий не ведется, но и незатронутых войной семей нет. Потребность в собственном герое живет в мальчике. Ему настолько необходимо, чтобы в его семье был Герой Советского Союза, что он выпиливает из бронзы Звезду Героя и награждает ей воображаемого дядю, рассказывая «легенду» младшему брату, ведь это и его дядя тоже:

– Все понял? – спросил я.

– Все, – сказал Боба.

– А что ты понял?

– Мой дядя – Герой Советского Союза.

– Где он раньше жил?

– В Ленинграде.

– А сейчас?

– Не знаю.

– Сейчас он на фронте, чтоб ты знал.

– На фронте, – повторил Боба.

– На каком?

– На нашем.

– На Ленинградском, чтоб ты знал.

– На Ленинградском, – повторил Боба.

– Знаешь, какие у него ордена?

– Не знаю.

Я перечислил. Многими орденами наградил я дядю.

– Повтори, – сказал я. Но Боба отказался.

– Ты должен знать, сколько орденов у твоего дяди.

– Много… – сказал Боба.

– Вот и хорошо, что много, родной ведь человек.

Мальчишки ищут на охраняемой свалке немецкое оружие, мечтая привести его в боеготовность и оборонять при необходимости город. И непонятно, чего в этом больше – детской игры и желания пострелять из настоящих винтовок или чувства гражданского долга, когда они устраивают стрельбище в квартире, целясь по воображаемым врагам. Опасные игры детей с неразорвавшимися боеприпасами – сюжет, проходящий пунктиром по целому ряду воспоминаний о военном времени. В книге Натальи Громовой «Странники войны: Воспоминания детей писателей. 1941–1944» собраны воспоминания писательских детей, отправленных в эвакуацию в интернат Литфонда в Чистополе. Многие из них вспоминают трагедию сентября 1942-го, когда нелепо погибли мальчики, нашедшие неразорвавшийся снаряд. Пасынок Василия Гроссмана Миша умер на операционном столе. Очевидец этих событий Евгений Зингер рассказывает: «Один любопытный парень предложил его разобрать. <…> Хорошо помня отцовские наставления и понимая риск дальнейшего “изучения” снаряда, я попытался объяснить моим товарищам опасность продолжения их “экспериментов”.

– Если ты боишься, можешь не смотреть и вообще уйти, – грубо ответил мне главный “испытатель”. <…>

Сильно оглушенный громким взрывом, я некоторое время почти ничего не слышал. Когда же сообразил, в чем дело, немедленно бросился к ребятам. Взрыв снаряда поднял с земли такую страшную пыль, что вокруг не стало ничего видно. Пройдя несколько метров, моя нога что-то задела (так в источнике. – *Т. С.*). Я даже не сразу понял, что это была чья-то оторванная часть тела. Во дворе слышались душераздирающие стоны и крики о помощи».

У Голявкина игра с огнестрельным оружием и нагреванием патрона на плите заканчивается благополучно. Гильзу герои найдут, когда война закончится, отклеивая с окон бумажные кресты.

А выпиленная мальчиком Звезда Героя окажется не у выдуманного дяди, а на стене – рядом с портретом погибшего отца: героя, независимо ни от каких наградных списков.

Эти две повести Виктора Голявкина, по сути, и есть военные награды его папы.